Татьяна Буданова: «Педагог должен любить своих учеников!»

Петрозаводская государственная консерватория имени А. К. Глазунова основана в 1967 году как «Петрозаводский филиал Ленинградской ордена Ленина государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова». Поделиться воспоминаниями о том, как начиналось становление ныне успешного и признанного вуза согласилась Татьяна Николаевна Буданова — доцент, педагог по классу общего курса фортепиано Петрозаводской государственной консерватории имени А.К. Глазунова, концертмейстер, лауреат международных и всероссийских конкурсов и фестивалей, работающая в консерватории практически с ее открытия.

Татьяна Николаевна Буданова — человек, всецело связанный с историей вуза, в ее памяти хранятся удивительные воспоминания о знаменательных событиях, исключительных, уникальных, талантливых людях, чья деятельность имела колоссальное значение не только для Петрозаводской консерватории, но и для развития всего музыкального искусства России.

— Татьяна Николаевна, Вы закончили Петрозаводский филиал Ленинградской Ордена Ленина государственной консерватории им. Римского-Корсакова в 1973 году, таким образом Вы были в числе самых первых выпускников Петрозаводской консерватории. Каково учиться в новом, только что открывшемся вузе?

Т.Н.: Вуз назывался Филиалом Ленинградской консерватории, а мы, будущие студенты приехали поступать в прославленную Консерваторию, и в ней сдавали вступительные экзамены. О существовании Филиала никто не знал до тех пор, пока перед экзаменами нам не объявили, что не прошедшие по конкурсу в Ленинграде могут быть зачислены в Петрозаводский филиал, если в конце заявления о поступлении напишут о своем согласии. Тогда многие, как и я, узнали, что Петрозаводск находится в той самой Карелии, о

которой так заманчиво пелось в новой, очень популярной романтической песне А. Колкера¹, известной до сих пор. Я думаю, соглашались еще и поэтому.

Пройти конкурс в Ленинградскую консерваторию в тот год было трудно, конкурентов было очень много, да каких! Вместе с нами поступали еще и лауреаты престижных конкурсов, среди них Игорь Лазько и Григорий Соколов, получивший накануне в 1966 году первую премию на конкурсе им. Чайковского. Представьте себе, я играла вступительный экзамен в одном классе с Г. Соколовым (тогда я еще не была Будановой, и наши фамилии по алфавитному списку стояли почти рядом).

— Вы впервые приехали в Петрозаводск, сразу после вступительных экзаменов в Ленинграде. Оказалось ли ожидаемое действительным?

Т.Н.: В филиал зачисляли тех, кто не добрал одного балла, отбор был очень жесткий. Встретившись в Петрозаводске, мы, вновь поступившие, быстро сблизились друг другом на почве контраста впечатлений от Петрозаводска и Ленинграда. Помню, какое необычайное впечатление произвела на меня вокзальная площадь с улицей, в конце которой виднелась яркая синева озера. Сказочная красота заворожила, казалось, дальше автобус поедет по водной глади к виднеющемуся вдали лесному берегу. Но он повернул в реальность и дальше я шла с автобусной остановки по дощечкам через болото, с тяжелым чемоданом, в промокшей обуви по улице Ленинградской с рытвинами для строящихся на ней пятиэтажек, и не верила, что эта дорога приведет меня в консерваторию. Старожилы потом рассказывали, что уже за погостом (где ныне находится Екатерининская церковь) были клюквенные болота.

Самой улицы, как таковой, еще не было, а здание консерватории на ней было единственным построением, на его торце в два этажа красовалась эмблема с изображением музыкальных инструментов, на крыше «восседали» метровые

1 А. Колкер «Карелия», сл. В. Гина

буквы дежурного лозунга — «Искусство принадлежит народу». За консерваторией и напротив стояли жилые деревянные постройки — домами их было трудно назвать. Пейзаж, мягко говоря, отличался от того, где находилась Alma-mater. Такой разительной несхожестью с Ленинградом мы были шокированы.

Но желание учиться было сильнее всех разочарований, особенно когда мы познакомились с педагогами. При этих воспоминаниях каждый раз возникает трепетное чувство благодарности за их профессиональную щедрость и душевность, которая поддерживала нас в трудные минуты, а их было немало, не только в учебном, но и житейском плане. Неудивительно, что такое отношение я до сих пор чувствую при встрече со своими учителями по жизни, учившими нас личностным примером ВСЕМУ, не только профессии. Низкий поклон им, по-настоящему дорогим людям, потому что в каждом из нас живут частички их души.

— Какое самое яркое воспоминание осталось у Вас со времен учебы в консерватории?

Т.Н.: Ярких воспоминаний о том времени осталось много — интересные встречи, просмотры фильмов, лекции. Олег Дмитриевич Леонов читал курс марксистско-ленинской философии всегда в переполненной аудитории, приходили все, кто хотел послушать умного, эрудированного человека с современными взглядами без политических штампов, философа, а не идеолога. Не могу не сказать о своем участии в отчетном концерте выпускников Петрозаводского филиала в 1973 году. Он проходил в Малом Зале им. Глазунова Ленинградской консерватории. Играли выпускники от каждой кафедры, для всех это стало Событием — не только выпавшей честью представлять филиал, но и впечатлениями от самого Зала, его акустики, от концертного рояля «Steinway», на котором я играла Сонату Г. Свиридова. Инструмент поразил меня своим размером и качеством, при котором не требовалось приспосабливаться к «неровностям» механики рояля, чем приходилось заниматься в Петрозаводске: казалось, он играл сам,

понимая, чего ты от него хочешь. Это поразительно! Нигде и никогда я больше не испытывала такого удовольствия от игры.

— Познакомившись с Вашей статьей об Альберте Семеновиче Лемане, становится ясно, что именно этот человек сыграл главную роль в формировании Вашей творческой личности. Так ли это?

Т.Н.: Мне кажется, моя встреча с Альбертом Семеновичем могла произойти только по невероятному СЛУЧАЮ, который, по Пушкину, — не что иное, как «Бог-изобретатель». Параллельно классу фортепиано, он вел в филиале композицию, заведовал кафедрой теории и истории музыки (до Ю. Кона). В свой первый приезд А.С. устроил нам, первокурсникам-пианистам разгромный «коллоквиум» за пределами для нашего понимания вопросами. Степень нашего невежества в музыке, а уж тем более в широкой области искусства поразила нас самих. Лично у меня было полное отчаяние, но, вместе с тем, появилось упорное желание приобрести необходимые знания, узнать как можно больше о том, что соприкасается с музыкой прямо или косвенно. Я думаю, что именно на эту реакцию и рассчитывал А.С. при первой встрече, сразу определив вектор наших устремлений. Он был действительно великий педагог, музыкант и человек, о его значении в музыкальном искусстве нашей страны мы узнали позже из публикаций известных музыковедов, композиторов, исполнителей. Многие из них были учениками А.С., он уже заведовал тогда кафедрой композиции Московской консерватории. Верится в то, что самому Всевышнему было угодно, как Вы говорите, «сформировать мою творческую личность», и поэтому сошлись наши орбиты. После госэкзамена А.С. подарил мне том сочинений Свиридова, из которого я играла Сонату, с автографом автора: «Моему другу Альберту Леману»². Для меня этот подарок — святая реликвия студенческих лет.

2 А. С. Леман и Г. В. Свиридов вместе учились в Ленинградской консерватории и дружили на протяжении всей жизни.

— В своей статье Вы цитируете А. С. Лемана, а я, Ваша ученица, сразу вспоминаю наши с Вами занятия. “Эмоции, технический блеск, выразительность деталей должны следовать за мыслью...Надо уметь высказываться складно, не нарушая логики, идущей от замысла композитора, через собственное осмысление”, — эти мудрые изречения Лемана я помню звучавшими из Ваших уст. Считаете ли Вы себя последователем школы А. С. Лемана, его педагогических принципов?

Т.Н.: Считать себя последователем педагогических принципов Лемана может каждый его ученик — слишком мощный заряд передавался при общении с ним. Другое дело — ответственность перед учителем в проявлении этих принципов, чтобы так считали не только сами ученики. Я часто ловлю себя на том, что на уроках в определенной ситуации говорю словами А.С., они всплывают сами, ведь точнее не скажешь — именно поэтому они «впечатываются» в память своей лапидарностью. А.С. щедро делился с нами своим талантом, притягивая к нему наши способности, терпеливо и кропотливо работал над нашими проблемами, каждый раз успокаивая, что результат может сказаться не сразу, потому что это действительно трудно, «но у Вас получится, всему свое время». Уроки проходили в том временном пространстве, которого требовал творческий процесс, и во время которого А.С., тщательно работая над технологическими задачами, неожиданно, с присущим ему артистизмом, становился лектором-просветителем (он обладал уникальной эрудицией), исполнителем (его пианизм был всегда в прекрасной форме, а память хранила огромный фортепианный репертуар), мудрым философом в достижении результата. Он учил нас не только игре на рояле, музыка для него была жизнью во всей ее полноте, в ней выстраивалось поведение, мышление, логика повседневности. Его жизненные советы оказывались пророческими на много лет вперед.

— Если сравнивать консерваторию тех времен и в данное время, в чем

главное различие?

Т.Н.: Отличия огромные, начиная с ремонта и реконструкции самого здания, наличия двух концертных залов, появления органа, интернет-ресурсов, конкурсов, фестивалей, которые проводит Петрозаводская консерватория, различных концертных проектов и т.д. Все это замечательно, но! Студентам, особенно исполнителям, не хватает не только классов с фортепиано для занятий, но и времени, чтобы постоянно совершенствовать мастерство своей специальности. В музыкальном вузе такого быть не должно. Специальностью нельзя заниматься урывками или в перерывах между рефератами и семинарами по гуманитарным предметам, а их в учебном плане многовато. Наша профессия требует постоянной работы в необходимом количестве времени, чтобы не получилось в итоге: «мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь».

— Скажите, а были ли у студентов Петрозаводского филиала ЛОЛГК им. Римского-Корсакова какие-либо преимущества перед ленинградскими?

Т.Н. Основное преимущество нового вуза, как филиала Ленинградской консерватории, было в том, что почти все классы по специальности вели профессор. Регулярно, два раза в месяц, из Ленинграда приезжали знаменитые музыканты и исполнители, которых лично приглашал Георгий Ильич Лапчинский, первый директор филиала. Благодаря своему авторитету он добился разрешения на их междугороднее совместительство. О таком преимуществе мечтали, я думаю, все, кто поступал в консерваторию, но повезло именно петрозаводским студентам.

Немаловажное преимущество заключалось в том, что студентов было немного и все имели возможность заниматься в классах в любое удобное время. Занимались много, чувствовали ответственность перед своими профессорами и старались подготовить программу к их приезду так, чтобы получить уроки более высокого мастерства. Этому не мешали никакие соблазны, их просто не существовало. Такое было замечательно-застойное

время — берегло нас от искушений в пользу нашего образования.

Мы много читали (по рукам ходили книги самиздата запрещенной в то время литературы), посещали концерты в небольшом зале Филармонии на улице Гоголя (деревянный дом с резными украшениями постройки 30-х годов, сейчас его нет — сгорел), часто посещали публичную библиотеку и, конечно, нашу фонотеку, созданную Норой Наумовной Долговой по образцу столичных консерваторий. Почти все премьеры новых сочинений известных композиторов (Шостакович, Кабалевский, Хренников, Тищенко и многих других), звучавшие в концертных залах Москвы и Ленинграда, записывались по ее просьбе на магнитофон во время исполнения, и уже на следующий день появлялись в фонотеке. Нора Наумовна организовывала в зале прослушивание этих записей для всех желающих. Помнится, какое ошеломляющее впечатление мы получили от 14-й симфонии Шостаковича, только вчера прозвучавшей на премьере. Тогда такое настроение в музыке, откровенно выраженное еще и в стихах, идеологами от искусства не приветствовалось, это был вызов, потрясший всех.

— Вы сами начали работать концертмейстером в консерватории, будучи студенткой 2-го курса, так что 50-летний юбилей вуза практически совпадает по возрасту с Вашим стажем работы. Что вы чувствуете при мысли, что уже полвека трудитесь на благо консерватории?

Т.Н.: О «полувековом» стаже никогда не думала. Мне кажется, что в творчестве время осмысливается не математическим измерением, а событийным, пространственным. На этом временном пути вспоминаются концерты, выступления с солистами симфонического оркестра, в том числе на телевидении и радио, поездки с ними по городам и районам Карелии, многочисленные конкурсы в разных городах страны. Столько встреч, знакомств, впечатлений, новых открытий! Мне очень повезло как концертмейстеру — я работала в классах знаменитых музыкантов, профессоров Ленинградской консерватории на кафедре духовых

инструментов, можно сказать я училась у них наравне с их студентами, применяя получаемые знания в своем исполнительстве. Сколько воспоминаний звучало в этих классах, свежей информации о событиях в музыкальном мире, размышлений, уникальных советов! Как все это пригодилось потом в педагогической работе! На этом поприще тоже было много радостного в общении со студентами, способными музыкантами, интересными личностями, работа с которыми — творческое удовольствие. Радуюсь, когда получаю по интернету весточки, письма от моих учеников с теплыми воспоминаниями о наших уроках и чувствую, что «полувековой» труд был не напрасным.

— Что, по Вашему мнению, является наиболее важным в профессии педагога-музыканта? Какими качествами должен обладать каждый преподаватель?

Т.Н.: Считаю, что педагог должен любить своих учеников, именно должен и именно всех. Даже «трудных», это его обязанность. Только так возможно прийти к результату и получить при этом обоюдное удовольствие. У меня этот принцип срабатывает. Ведь в консерваторию поступают молодые люди, имеющие те профессиональные навыки, которым их научили, со своими привычками, мышлением и т.д., не всегда достойными уровня культуры во многих проявлениях. Педагог не должен судить, он должен учить, а для этого необходимо уважительное отношение к личности ученика, терпение в работе и общении, нацеленное только на результат. Даже когда студент очевидно не прав, надо дать ему возможность подумать над этим, понять и поверить учителю. Опять скажу словами А. С. Лемана: «Назначение педагога в том, чтобы посеять семена, которые со временем дадут всходы».

— Татьяна Николаевна, в связи с предстоящим юбилеем консерватории, что бы Вы хотели пожелать всем студентам и вновь поступившим в частности?

Т.Н.: Во-первых, всегда с честью носить звание **СТУДЕНТОВ ПЕТРОЗАВОДСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ**, помнить о ее

ПРОИСХОЖДЕНИИ.

А во-вторых, желаю успехов! Студенческая пора — самая замечательная: в памяти остается только хорошее. Пусть у всех его будет как можно больше, а для этого каждому надо очень потрудиться.

— Большое спасибо за уделенное время и за приятную и невероятно интересную беседу!

Татьяна Николаевна не единственный педагог, кому есть что рассказать об эволюции консерватории из филиала в самостоятельный процветающий вуз. Было бы замечательно, если бы современные студенты Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова могли больше узнать об ее истории из уст людей, видевших и самих эту историю творивших.

Интервью подготовила Мария Грицева, 5 курс, музыковедение.